

Н.М. Пурышева

г. Могилев

ПОВОРОТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг. И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ БССР

В конце 1920-х – начале 1930-х годов произошли существенные изменения в национально-культурной политике государства, которые сказались на судьбах и творчестве белорусской художественной интеллигенции. Важной вехой в процессе формирования монистической модели культуры в БССР стал Октябрьский пленум ЦК КП(б)Б (проходил с 20 по 25 октября 1930 г. в Минске). Участники Октябрьского пленума в своих выступлениях неоднократно указывали на отсутствие “надлежащего руководства” литературными силами со стороны ЦК КП(б)Б.

Отстранив национально-демократическую интеллигенцию от осуществления политики белорусизации, КП(б)Б пыталась взять инициативу в свои руки, однако постоянно испытывала трудности. Руководство КП(б)Б неоднократно признавало, что руководство культурными процессами не является сильной стороной партийных работников. В связи с этим ставилась задача “овладеть всеми процессами национально-культурного строительства (теоретический фронт, художественная литература и творчество, общий фронт искусства)” [1, с. 319].

В конце 1930 г. перед руководством КП(б)Б ставилась задача – расширить и закрепить контроль партии в сфере художественной культуры. С этой целью отдел культуры и пропаганды ЦК КП(б)Б разработал документ “О политике партии в области художественной литературы (период социалистической реконструкции)”, в основу которого был положен принцип полного подчинения литературы политическим задачам партии. Литература должна была отражать в художественной форме все политические кампании: от коллективизации до мероприятий по повышению обороноспособности страны. Социальный заказ становился единственно возможной формой ее существования. При этом

партия ставила перед писателями неперемное условие: овладеть марксистско-ленинской теорией и диалектическим методом в творчестве.

Проводя в 1929-1930 гг. кампанию борьбы с национал-демократами, руководство КП(б)Б надеялось на переориентацию наиболее авторитетных писателей, которые были подвергнуты жесткой критике. Результатом проработочных мероприятий стал уход основной массы писателей от активного творчества в идеологически безопасную сферу литературных переводов. В редакционных портфелях, по свидетельствам того времени, 1,5 года не было представлено ни одной рукописи. Только с 1931 г., литературные силы несколько активизировались, причем быстрее этот процесс проходил в среде пролетарских писателей [2, л. 53]. Литераторы старшего поколения (Я.Купала, Я.Колас, Т.Гартный) практически отошли от литературного процесса. В 1932 г. Нарком просвещения БССР А.М. Платун констатировал, что творчество Тишки Гартного (Д.Жилунович) "ёсць маскіроўка пад партыю... Ніякіх сапраўдных крокаў набліжэння да партыі не зрабіў... Тое самае і з іншымі" [3, л. 331-332].

Попыткой оживить литературный процесс, придать ему новый творческий импульс стала кампания по привлечению в литературу рабочих "от станка". Новые силы, должны были, по мнению идеологического руководства КП(б)Б дать идеологически приемлимые и качественные в литературном отношении произведения. Предлагался и другой путь. Ссылаясь на опыт Украины, Нарком просвещения БССР А.М. Платун предлагал сделать "асноўным маналаістам, заказчыкам, цэнзарам, чым хочаце, мастацкай літаратуры...прафсаюзы" [2, л. 54]. Предполагалось, что таким образом литература будет поставлена под контроль рабочих. Эти мероприятия не принесли литературе БССР реальных успехов. Движение рабочих-ударников в литературу в республике было слабым. "Идеологически ведущие", по определению Платуна, произведения А.Александровича, М.Лынькова, П.Галавача, И.Харика не отличались глубиной и высоким литературным качеством.

Произведения, которые выделялись из общей массы своеобразным авторским взглядом на действительность, по-прежнему подвергались жесткой критике. Так, "проявление классовой борьбы на идеологическом фронте" был назван очерк Я.Скрыгана, опубликованный в журнале "Маладняк". В очерке содержались критические замечания о состоянии коммунального хозяйства Гомеля, о бюрократизации городского совета, давалась картина реальной жизни и быта рабочих Гомсельмаша. Особое внимание партийная критика обратила на далекие от идеальных параметров описания внешности коммунистов. Литературная же критика дала очерку высокую оценку. Это было тем более знаменательно, что Я.Скрыгана относили к группе непролетарских писателей (попутчиков) [2, с. 64-66].

В начале 1932 г. наметилась тенденция к более реальной оценке деятельности БелАПП. Еще в конце 1920-х гг. КП(б)Б однозначно объявила своей опорой в литературе Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей (БелАПП), гарантировала ей свою поддержку в процессе завоевания гегемонии в литературном процессе. В свою очередь от пролетарских писателей требовалось "выполнение своим художественным творчеством задач партии" [4, л. 660]. Кроме того, на БелАПП возлагались функции литературного надсмотрщика, который должен был заниматься профилактикой против появления идеологических и творческих ошибок.

В то же время белапповская критика, носившая в 1929-1931 гг. разрушительный, погромный характер, уже не удовлетворяла задачам литературной политики партии, направленной на нормализацию литературной жизни. Переоценка белапповской критики проявилась, в частности, в отношении к ее лидеру Л.Бенде. На Мартовском (1932 г.) пленуме ЦК КП(б)Б и на совещании в редакции газеты "Звязда" его литературно-критическая деятельность подверглась серьезной ревизии. Выступления и статьи Бендэ характеризовались как "безграмотная галиматья", "челуха", особо отмечались примитивность и вульгарный социологизм его

псевдофилософских построений. В связи с этим перед БелАПП ставилась задача усилить критичное отношение к собственным авторам и предлагалось серьезно заняться литературной учебой [2, л. 66-67, 71].

Главной задачей литературной политики на ближайший период КП(б)Б считалось создание единой писательской организации, которая должна была объединить все литературные силы БССР. Весной 1931 г. были предприняты практические шаги в этом направлении. 25 апреля 1931 г. на общем собрании писателей Минска было создано "Белорусское объединение пролетарско-колхозных писателей" (БелОПКП). Эта организация стала предшественницей Союза советских писателей БССР. Членами БелОПКП стали практически все известные белорусские писатели разных поколений: П.Бровка, М.Зарецкий, В.Коваль, Т.Кляшторный, М.Лыньков, Я.Купала, Я.Колас, А.Кулешов, М.Лужанин, В.Моряков, Е.Мурашко, Я.Скрыган, М.Чарот и др. Объединение просуществовало до 1932 г. Ключевые позиции в этой организации занимали члены БелАПП.

В 1932 г. руководство КП(б)Б предприняло попытку создать литературную организацию, которая должна была организационно объединить так называемых союзников и попутчиков, то есть писателей, не входивших в БелАПП. Для создания Союза писателей была создана инициативная группа, в которую вошли представители разных направлений белорусской литературы: Вольский, Чарот, Лимановский, Крапива, Колас. На заседании секретариата ЦК КП(б)Б в феврале 1932 г. было принято решение объединить остатки групп "Узвышша" и "Польмя" в Союз советских писателей БССР "каб падрыхтаваць пераход гэтых пісьменнікаў на рэйкі саюзнай пралетарскай літаратуры". Одновременно предполагалось объединить журналы "Узвышша" и "Польмя", с тем, чтобы обеспечить новый союз печатным органом [4, с.12, 14; 6, л. 1].

Тенденция к унификации литературной жизни, обозначившаяся на рубеже 1920-1930-х гг., нашла свое воплощение в постановлении политбюро ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций" от 23 апреля 1932 г. Хотя в документе говорилось о ликвидации только пролетарских литературно-художественных организаций, фактически были упразднены все группы. Постановление предписывало "объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей...". Инструментом управления союзами со стороны партии становились коммунистические фракции, которые создавались в каждой творческой организации [7, с. 172-173]. На основании постановления ЦК ВКП(б) Секретариат ЦК КП(б)Б 27 мая 1932 г. принял документ, в соответствии с которым ликвидировалась БелАПП и начались организационные мероприятия по созданию Союза советских писателей БССР. Осуществление их поручалось Организационному комитету, в состав которого вошли: М. Климкович (председатель), М. Лыньков, А. Гурский, А. Александрович, К. Черный, П.Галавич, И.Харик, В.Горавский, Л.Бенде, Я.Нёманский, Я.Лимановский, Г.Кульбак, И.Швейдель, Х.Дунец, Х.Юдельсон, К.Крапива. Оргкомитету подчинялись все писательские организации республики [8, л.31-32].

Постановление на некоторое время стабилизировало ситуацию в белорусской литературе и критике, создало видимость оздоровления морального климата в литературно-художественной среде БССР. Писатели и поэты, подвергавшиеся жестким нападкам белапповской критики, хотели верить, что начался новый период в развитии литературы. Надежды на улучшение климата в литературно-художественной жизни выразили в приветствиях многие белорусские писатели. Со словами благодарности за доверие партии к писателям, стоявшим вне пролетарских организаций выступили Я.Купала, Я.Колас, С.Барановых, Я.Скрыган, К.Крапива и др. [9, с. 1-2].

Однако эйфория была кратковременной. В оргкомитете по созданию ССП БССР господствующее положение заняли бывшие белапповцы. Писатели старшего поколения остались за его рамками и только после специального указания их

зания их ввели в состав Оргкомитета. Наиболее красноречиво высказался о ситуации после постановления секретаря ЦК КП(б)Б В.Ю.Жебровский. Выступая перед писателями на совещании по вопросам развития литературы БССР он заявил: "Чудовищно нелепо, когда говорят о "новом нэпе" в области художественной политики партии. Чудовищно нелепо говорить об "амнистии" за ошибки (Купала и Колас). Они делали не ошибки, а это их образ жизни". [10, л. 184]. Литературно-политические события второй половины 1932-1933 гг. показали, что борьба с национал-демократизмом на завершилась, а вступила в новую стадию.

В конце 20-х годов в БССР произошел радикальный поворот в культурной политике государства. Он явился частью общих изменений, связанных с процессом утверждения в республике командно-административной системы. Ревизия сложившейся в 20-е годы концепции национально-культурного строительства, отстранение национально-ориентированных коммунистов и национально-демократической интеллигенции от активного участия в культурных преобразованиях привели к ликвидации национально-демократической тенденции в литературно-художественной политике государства. Формирование государственной политики в сфере художественной культуры перешло к ортодоксально настроенной части аппарата КП(б)Б.

Вытеснение национально-демократических элементов и установление пролетарской гегемонии в белорусской художественной культуре проходило при помощи жестких административных методов и сопровождалось чистками в художественных учреждениях, разоблачительными кампаниями, публичными покаяниями. Борьба с инакомыслием в художественной сфере приобрела политический характер и вылилась в репрессии против части национальной художественной интеллигенции. Произошла смена методов руководства сферой художественной культуры: доминировать стали административно-распорядительные и принудительные меры.

Курс на форсированную замену демократического содержания белорусской художественной культуры узкоклассовым был закреплён Октябрьским (1930 г.) пленумом ЦК КП(б)Б и продолжен последующими партийными решениями. Их решения по национально-культурным проблемам стали основой для формирования новой концепции политики в сфере художественной культуры, в основе которой лежала идея полного подчинения литературно-художественной жизни политическим целям государства.

Источники и литература

1. Нацыянальнае пытанне. (Выбраныя пастановы). – Мн., 1932.
2. НАРБ, ф. 4, оп. 20, д. 84.
3. НАРБ, ф. 4, оп. 2, д. 91.
4. НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 121.
5. НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 41, ч. 3.
6. НАРБ, ф. 4п, оп. 8, д. 31.
7. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. – М., 1999.
8. НАРБ, ф. 4п, оп. 8, д. 57.
9. Літаратура і мастацтва. – 1932. – 15 мая.
10. НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 49.